

Выражение ее лица было таким отчаянным, что любая мысль о том, что я могу отказаться от своего поспешного предложения, испарилась.

И все же она колебалась, покусывая нижнюю губу, словно раздумывая, о чем собирается меня попросить. Наконец, она сказала: - Не сможешь мне помассировать? Я знаю, это немного странно, но я бы не спрашивала, если бы не была в отчаянии.

- Хорошо, - мой голос звучал так же уверенно, как я себя чувствовал.

Она заметно просияла и сказала: - Ох, спасибо, Чейз. Ты единственный человек, на которого я могу положиться. Единственный человек, которому я могу полностью доверять.

Это пробудило маленький огонек гордости в моей груди, и я почувствовал себя намного лучше от того, что собиралась сделать.

Что я собирался делать?

Я с трудом сглотнул.

Тогда она показала мне, чего хочет. Она застенчиво убрала руку, открывая мне все великолепие своих грудей.

- Брайан — гребаный идиот, - выдохнул я так тихо, как только мог, но, судя по искорке веселья, появившейся в ее глазах, она услышала, по крайней мере, часть моих слов.

Честно говоря, ее грудь выглядела фальшивой, хотя я точно знал, что это не так. Это было бы похоже на ослепление шедевра. Они были карикатурно раздуты и, казалось бы, свободны от естественного прогиба, который предполагали законы гравитации. Ее ареолы, лишь на несколько оттенков темнее кожи вокруг них, были болезненно растянуты. Сосок в центре каждого был большой и гордо торчал чуть ниже центра каждой опухли.

Неправильно истолковав мой дискомфорт, она накинула полотенце, которым собиралась высушить волосы, на левую грудь. Она думала, что меня беспокоит необходимость прикоснуться к ее груди, когда на самом деле это было из-за твердости, которая болезненно проснулась в моем паху.

Я знал, что неправильно так относиться к моей матери, но она была самой красивой женщиной, которую я когда-либо знал. И эти сиськи должны были быть в музее.

Она направила мои руки в положение на своей груди и показала мне, как нажимать внутрь и вниз. Вскоре после того, как я начал, сюрреализм того, что я доил свою собственную мать, как корову, действительно поразил меня.

Странно было то, что это так меня возбуждало, что мне было трудно отдышаться. Ткань моих джинсов теперь напряглась против моей полноценной эрекции.

Пока я работал, чувствуя, как твердая плоть под полотенцем неохотно поддается моему прикосновению, она поставила маленький кувшинчик под сосок и слегка наклонилась вперед, чтобы помочь потоку молока, который теперь бисером вытекал из ее сморщенного соска.

Поток был удручающе медленным, и я мог видеть дискомфорт, который он причинял моей маме. Наконец, устав от того, как бесчувственность, вызванная полотенцем между нами, заставляла меня терять правильную хватку на ней, я отбросил его во вспышке раздражения.

Моя мама не протестовала, когда я положил руки прямо на ее горячую кожу. Ощущение ее плоти было невероятным в своей податливой эластичности. Освободившись, моим рукам стало легче массировать молоко, застрявшее в ее груди. Маленькие капельки образовались быстрее, и я действительно думал, что перешел уровень.

Но примерно через десять минут этого интимного массажа мама остановила меня. Я почувствовал себя плохо, когда увидел, что на самом деле причинил ей еще больше боли. Хуже всего было то, что, когда она подняла кувшин, мы оба увидели, что его дно едва покрыто молоком.

Мама снова заплакала и сказала: - Это бесполезно, Чейз. Спасибо, но это бесполезно. Мне действительно нужно, чтобы Йен начал есть. Это единственный способ осушить их. - Она нежно погладила меня по щеке и сказала: - Спасибо за попытку, но мне просто придется с этим смириться. - Она вздохнула: - Возможно, Брайан был прав. Может быть, я плохая мама. Может быть, тот факт, что ты оказался таким замечательным, был просто случайностью.

- Нет! - Сила этого заявления шокировала даже меня, более спокойным тоном я продолжил: - Нет, мама, это не твоя вина, и ты не плохая мама. Ты лучшая мама на свете. Ни у кого из моих знакомых нет такой классной мамы, как у ты. Я помогу тебе, обещаю.

Она казалась побежденной, но не остановила меня, когда я встал на колени на кровати и наклонился, мои руки пытались, но не смогли обхватить ее ареолу. Ее, казалось, не волновало, что мое лицо было всего в нескольких дюймах от него.

Я перепробовал все, что мог, чтобы увеличить приток молока, но больше ничего не выходило.

Я видел, что причиняю ей боль. Хуже того, я видел, как слезы возвращаются. Это разрывало мое сердце, и я знал, что сделаю все, чтобы остановить ее боль.

Я подумал о том, что она сказала о Йене, и о том, как хорошо я питался.

Это не было бы таким странным, не так ли? Я делал это раньше. Какая разница, что с тех пор

прошло почти двадцать лет.

Кроме того, глядя на это великолепиие из человеческой плоти, я действительно, действительно хотел это сделать.

Прежде чем она смогла остановить меня, я ткнулся лицом в ее неумолимый холмик и взял в рот резиновый сосок.

Потом я начал сосать.

Она ахнула и, казалось, была слишком удивлена, чтобы что-то предпринять.

К тому времени, когда к ней вернулось самообладание, она начала говорить: - Не надо... - теплое сливочное молоко хлынуло мне в рот, и ее протест превратился в стон освобождения.

Я ожидал, что это вызовет у меня отвращение, и начал с намерением выплюнуть молоко в кувшин, который она все еще держала. Но вместо этого я нашел его сладким и восхитительным. Прежде чем я успел подумать об этом, мое тело рефлекторно проглотило его, и я обнаружил, что снова жадно пью материнское молоко.

- Ох, Чейз, малыш. Ты даже не представляешь, как это хорошо для мамы. Я чувствую, как усиливается давление и, аааххх, - она удивленно вскрикнула, когда я коснулся ее соска языком.

На самом деле я не думал об этом, мой рот, казалось, делал это сам. Каждый раз, когда у меня был сосок во рту, когда я был взрослым, я относился к нему таким образом. Я должен был остановиться на этом, но мамин сосок отреагировал быстрее, чем я ожидал, подпрыгнув по стойке смирно при малейшем ласковом прикосновении.

Пока я, взрослый мужчина почти двадцати лет, пил из груди, я начал очень тонко играть с ее соском. Я ничего не мог с собой поделать, это было так чудесно. Я дразнил маленький комочек, сначала обводя его, а затем щелкая языком, чувствуя, как он становится таким же твердым, как и мой член.

К сожалению, угол, с которого я начал, был не очень удачным, и моя шея уже начала болеть. Не желая признавать поражение или смотреть маме в глаза, если я не смогу добиться успеха, я быстро перевернулся на спину. Я положил голову маме на колени и попытался дотянуться и притянуть ее грудь к себе, но обнаружил, что угол был неправильным.

Я немного запаниковал, беспокоясь, что это закончится, как только я действительно начинал наслаждаться этим.

Я был немного удивлен, когда моя мать склонилась надо мной, направляя свой сосок еще раз в

мой рот. С улучшенным углом я чувствовал себя более комфортно, и молоко выходило из нее густо и с увеличенной скоростью.

Через некоторое время она взяла мою голову в свои руки и стала кормить меня, как ребенка, с такой нежностью, что моя эрекция, казалось, удвоилась в размерах. Я едва мог дышать под тяжестью ее огромной груди, давящей на меня, но это было самое удобное, безопасное место, которое я когда-либо помнил.

- Ох, спасибо, Чейз, малыш, - прошептала она. - Ты так помогаешь маме. Хотела бы я как-нибудь отплатить тебе.

Если бы мой рот не был набит ее соском, я бы сказал ей, что в этом нет необходимости. Я был обязан ей всей своей жизнью, и, кроме того, то, что я делать с ней, было достаточной расплатой.

Как бы то ни было, изменив положение на кровати, она потеряла равновесие и протянула руку, чтобы не упасть. Ее рука опустилась на железный прут, который я теперь носил в штанах.

- Что? Ты... - воскликнула она, оставив вопрос незаконченным.

Впервые я охотно выпустил ее сосок изо рта. Покраснев, я попытался объяснить: - Я ничего не могу поделать, мама. Прошло много времени с тех пор, как я... ты знаешь. И ты такая красивая. Это просто мое тело реагирует само по себе. Клянусь, в этом нет ничего извращенного.

- Неужели прошло так много времени? - На ее лице отразилось глубокое сочувствие. Это было так похоже на мою маму — не соглашаться с тем, что я не трахаюсь с кем попало. Я не хотел говорить ей, что я мог бы заняться сексом полдюжины раз в то утро, и я все равно получил бы жесткий стояк в этот момент.

- Да, - ответил я, не отрывая головы от ее колен, - ну, после Йена и всего остального я старался приходить домой как можно чаще, чтобы помочь. Это, в сочетании с учебной нагрузкой, означает, что у меня не так много времени, чтобы встречаться с кем-либо прямо сейчас. Но это действительно не имеет большого значения. - Я надеялся, что она оставит эту тему, чтобы я мог еще немного сосать ее сиськи.

Но она продолжала настаивать: - Ты так добр ко мне, Чейз. Я чувствую себя так ужасно, что из-за меня у тебя накапливается все это напряжение.

Я попытался сказать ей, что действительно не возражаю, но она отмахнулась жестом руки, сказав: - Нет, я помню, как это было. После того, как у меня появился ты, я очень долго была одна. Я знаю, как больно может быть оставаться нетронутой и нелюбимой все это время. Позволь мне немного помочь тебе, малыш.

- Мама? - Вопрос прозвучал недоверчиво. Она действительно предлагала то, что я думаю?

Вместо ответа она снова притянула мою голову к своей груди, и дальнейший протест был подавлен ее тяжестью.

- Расслабься, малыш. Это не сильно отличается от того, что ты делаешь со мной. У меня была болезненная опухоль, и ты подоил меня, чтобы облегчить ее. Позволь мне сделать то же самое для тебя.

Я невольно дернулся, когда почувствовал, как ее рука скользнула по моей обтянутой джинсами выпуклости.

Мама действительно терла мой член?

Я старался не вдаваться в подробности. Вместо этого, пока я пил, я возобновил свои маленькие терзания на ее набухшем соске.

Ее ловкие пальцы потянулись к пуговице моих джинсов, а затем расстегнули ширинку. Теплая рука потянулась в щель в моих боксерах, а затем мой член был свободен и открыт. Мамина рука крепко сжала его.

- О боже, малыш, - промурлыкала она, - ты действительно вырос в большого мужчину. Не думаю, что когда-нибудь... - но тут она замолчала. Решив вместо этого нежно потянуть за мой член.

Это был испытующий жест, как будто она проверяла, действительно ли это то, что она думала. После этого она начала медленно гладить. Ее рука обхватила мою талию, не доходя до конца, прежде чем скользнуть вверх и вниз.

Поглаживая мой член, она сначала приподняла, а затем повернула верхнюю часть туловища так, что ее вторая, забытая грудь упала мне в рот.

<http://erolate.com/book/1226/33856>